

УДК 1:316(045)

*О.А. Штайн***ПУСТОТА МАСКИ НА ПРИМЕРАХ СЛ. ЖИЖЕКА**

Рассматривается феномен «маски» как социального топоса через преломление лицевой/изнаночной сторон.

Ключевые слова: идентичность, изнаночная/лицевая сторона, манифестация, маска, норма, поверхность.

Пустота под обманчивой
внешностью социальных масок.

Сл. Жижек

Маска – социальный топос, пустое место, которое имеет определенную конфигурацию. Пустота – пространство, предназначенное для частной субъективности в противоположность публичному пространству. Противоположность между декорированной внешностью и пустотой тождественна противоположности субстанции и субъекта. Пустота содержит аллюзию на самого субъекта. Оппозиционное противостояние частной субъективности и публичного пространства носит распространенный классический характер. Необходимо отметить, что в Новое время пустота наделялась негативным содержанием. Процесс рафинирования манер приводил к представлению об общественном принуждении и внутренней искренности. Зазор между публичным и личным наделялся аксиологическим негативом. Ф. Ларошфуко писал: «Один из родов кокетства – вызвать полное его отсутствие» [9. С. 37]. С современной позиции пустота является каркасом, арматурой и наделяется потенциальной креативной силой. Неопределенность, определяющая конфигурацию. Так, Жижек рассказывает о залах с десертами, метафорично вспоминая о самих десертах елизаветинских времен, называющихся «пустышками». «В этом изолированном месте можно было сбросить казенную маску и отдохнуть, обмениваясь сплетнями и впечатлениями» [8. С. 259].

Пустота предполагает наличие лицевой и изнаночной сторон.

В повседневном мире маска перестала быть «накладной личиной», она растворилась в телесной экспрессии и аффективной «лицевости»¹, в манере поведения и представления себя другим, сохраняя при этом функцию защиты перед волной лиц, взглядов, экспрессий, которые способны подавить, раздавить или ввести человека в заблуждение.

В обыденном понимании лицевая сторона представлена непосредственно для восприятия, а изнаночная спрятана, прикрыта лицевой стороной. Лицевая сторона могла бы быть сущностью вещи по отношению к которой изнанка является чем-то ограниченным, подчиненным, там нити не видны. Лицевая сторона выставляет напоказ предметы, явления, разрешая видеть их. «Благодаря фасаду вещь, хранящая свою тайну, предстает замкнутой в своей монументальной сущности и мифологичности, где она сверкает великолепием, но не раскрывает себя» [10. С. 199]. Процесс предъявления знаков на лицевой стороне взору Другого связан с процессом мифологизации: можно предъявить несуществующее или предъявить выборочно, стремясь к контролю или даже манипулированию впечатлениями Другого. Священные знаки на коже в виде архаического орнамента, татуировки, скарификации, пирсинга, обрезания возвращают индивида в сферу внутренних значимых ценностей, вынесенных наружу. Лицевая сторона – это когда лидеры политических партий во время съемок избавляются от очков, сигарет, стараясь сделать свой облик приближенным к идеальному. Р. Барт пишет, что в предвыборной фотографии кандидаты предъявляют не только программу, но телесную атмосферу [1. С. 201]. Лицевая сторона – это постоянная улыбка администратора гостиницы, похожая на уставший оскал.

Изнаночная/лицевая стороны определяются через границу, порог, своим присутствием указывающий на наличие Другого. «За любой чертой, по ту сторону скрывается Другой» [4. С. 346]. Опыт границы – это доступный нам в имманентной действительности опыт трансценденции. Через порог, границу, «границу натяжений» протекает поток событий внешнего мира: он задерживает в себе опре-

¹ Термин «лицевости» применяют в своих работах «Тысяча плато», «Капитализм и шизофрения. Антиэдип» Ж. Делёз и Ф. Гваттари и в работах «Феноменология тела», «Белая стена – черная дыра» Валерий Подорога.

деленное внешнее воздействие, чтобы тут же измениться в реакции на это воздействие. Но граница не только разделяет, она соединяет.

Граница определяет трансфигурацию пустоты между лицевой и изнаночной сторонами. Граница определяется в линии, адекватной для завершения Другого и неадекватной для завершения меня, так как Я существует, постоянно расширяя и изменяя свои пределы. Только Другой переживается мной как соприродный внешнему, лицевому миру. Я для себя не соприроден внешнему миру, во мне есть сознание, или «внутренняя активность» [2. С. 66], которая конструирует внешний мир. Другой интимно связан с миром, Я – с моей «внутренней внемирной активностью» [2. С. 67]. Даже если Я конструирую образ себя и его границы, то результат не будет обладать убедительностью, так как Я не перестану переживать себя изнутри.

Изнаночная сторона скрывается, прячется. Э. Гоффман [3. С. 157] приводит пример о публично представленном и скрываемом. В обыденной действительности занавески в доме яркие и праздничные в гостиных комнатах и серые в комнатах, не предназначенных для принятия гостей. Если брать такое сравнение, то именно в гостиных комнатах мы видим пустое пространство, предназначенное для Другого, в то время как комнаты служебные полны бытовыми предметами, но по ним можно узнать о хозяине. Гостиные комнаты стандартно выстроены в соответствии с модой и временем, они похожи. Пруст писал, что по изнанке платья можно говорить о благородном происхождении его хозяина. Поворот интересен тем, что по ту сторону изнаночных линий побывать хочется далеко не всем. Приятнее и комфортнее сидеть в гостиных комнатах с занавесками, напоминающими занавес сцены театра. Сценарий поведения прописан давно и стандартен для всех. А вот хозяйственные комнаты будут интересны либо для профессионалов, получающих за это компенсацию, либо для увлеченных (любовь, привязанность, большой интерес).

Изнанка – частная субъективность – идентичность. Лицевая – внешняя публичность – нормы, мерки. Дистанция внешней публичности по отношению к частной субъективности в общем представлении носит характер разоблачения (развоплощения). Сама дистанция – ссылка на то, что за маской нашей публичной идентичности скрывается теплое и хрупкое человеческое существо со всеми слабостями, дает посыл к желанию разоблачения. Не нужно ждать плачущего солдата в образе строгого военного. Разоблачение может не наступить. Сл. Жижек [8. С. 266] приводит пример: в 2001 г. аргентинцы вышли на улицы, выступая против правительства и против министра экономики Кавалло в частности. Когда толпа окружила здание, Кавалло сбежал в маске самого себя (они продавались в лавках) и был не замечен.

Лучшая маска вещи – она сама. Бог вынужден носить маску божественного. Поэтому, пишет Жижек [8. С. 30], Павел не признавал в Христе Учителя до его распятия. В фильме Спайка Ли черные актеры наносят на свои лица черный грим. Это способ выглядеть белым, создать иллюзию, что истинное лицо под маской – белое. Нанесение черного грима – стратегия ассимиляции в белую культуру. Истинное лицо под маской оказалось чернее самой маски. Противопоставление истинного лица лживой маске устарело. Нет ничего истинного так же, как нет ложного. Нет «истинно верующих», есть люди, следующие предписаниям, ритуалам и обрядам. Есть евреи, придерживающиеся кошерных правил. Маска не является заменителем лица, ей нет альтернативы, поэтому под маской скрывается не лицо, а другая маска. Маска ничего не утаивает и не скрывает, она служит и выполняет функции социализации (соответствие позиции социальной роли – улыбка служащего отеля), идентификации (вызывающий наряд, прическа и макияж хиппи), интеграции (мусульманский платок), психологической защиты (черные очки). Снять с кого-то маску невозможно, это иллюзия. Маска – это то, что незаметно для взгляда, то, что улавливается, ощущается, конструируется и вырисовывается в сознании. Реально взгляду дана лицевая сторона. Ж. Делёз считает, что маски скрывают лишь другие маски [7. С. 32]

Внешняя публичность маркируется. Маркировка обезличивает, приводя к маскировке как наделению лица. Современная культура основана на обозначении «дезавуированных» [8. С. 11], то есть обезличенных ценностей. Персонификация устанавливается через унификацию и обезличивание. Унификация и обезличивание служат антитезисом к установлению. Если ты не желаешь придерживаться норм, то будешь отчужден, отстранен как Иное, через которое будут устанавливаться Другие. Приход к норме через ненормированность Другого становится образцом не-должного, поэтому либо наказывается, либо осуждается. Угрозу культуре и обществу оставляют истинно верующие фундаменталисты, которых называют варварами. Интересно, что во Франции с 2010 г. готовится законо-

проект, запрещающий носить «полную вуаль» женщинам в городе и городских поселениях. За несоблюдение выносятся штраф 150 евро и курс лекций по этике поведения во Франции.

От маркировки к маскировке, от универсального к конкретному, от целого к сингулярному через унификацию к воплощению. Внутри маскировки скрыто перверсивное ядро. Я – есть то, что Я есть благодаря окружающим меня Другим, даже если установление идет через отрицание. От христианского воплощения Мессии через предательство можно перейти к светским примерам. Смерть превратила Мартина Лютера Кинга в символическую фигуру. Его день рождения объявлен национальным праздником. Предательская смерть Цезаря привела к возникновению универсального понятия и титула [8. С. 326].

Различие Единого по отношению к самому себе, несовпадение Единого с собой говорит о пустоте и разрыве. Но именно разрыв подтверждает целостность. Жижек говорит о Христе: он не Бог потусторонней жизни, отделенной от нее разрывом, он сам – разрыв, определяющий соотношение внешней публичности и частной субъективности [8. С. 426].

«Поскольку субъективность как таковая истерична» [8. С. 50], поскольку она возникает, ставя под сомнение интерпеллирующий вызов Другого, мы имеем дело с перверсивной десубъективацией: субъект избегает своей конститутивной расщепленности, превращая себя в инструмент воли Другого.

Как становление через отрицание, формирование субъективности происходит через процесс десубъективации. Воин не выступает как личность, он десубъективирован. Он исполняет и не берет на себя ответственность за исполнение, иначе не сможет функционировать. Субъективная сингулярность определяется через норму, которую можно обозначить как мерку, образец или Закон. Кафка писал о Вратах Закона: с самого начала человек включен в Закон. Закон был не просто вещью, которая пленила его взор, он уже всегда смотрел на него.

Маска – расщеп, пространство «между», между внешним соответствием и внутренним терзанием. Агамбен это пространство «между» определяет через триединство Целого-Части-Остатка. [8. С. 324]. Остаток определяется через избыточность. «Остаток – избыточный элемент, который дает роду тело, под маской которого род наталкивается на себя» [8. С. 192].

Таким остатком между внешней нормой и внутренне сформированным лицом является маска. Когда человек избыточно, сверх требований начинает встраивать лицо в норму, это, как и все избыточное, кажется пафосно-манифестативным и уличается Другим в качестве лицемерия. Чем явнее избыточность, тем заметнее остаток. Поэтому у остатка нет своего фиксированного объема, но есть свое место – «между». Маска как остаток – пустой топос. «У остатка нет своего места внутри «официальной» универсальности» [8. С. 192]. Работает логика исключения: остаток – вычитание части из целого. Целое – культура, традиция. Часть – символическая функция: «Будь тем, кто ты есть, кем тебе предначертано быть: рабом, иудеем, просто сохраняй дистанцию к этому» [8. С. 202]. Дистанция топографична. Отсутствие дистанции патологично. Хотя я отлично осознаю, что судья нечестный человек, я буду относиться к нему как к Представителю Закона, как если бы он был честным. Когда я без остатка и дистанции соотношу себя с Цезарем, это уличается в патологии социумом и устраняется внешним воздействием вплоть до лечения и принуждения.

Суть маски в дистанции, а не в ядре. Проникнуть в Другого, добраться до него-в-себе и осознать, что за маской нет обманчивой внешности, нет тайны и скрытого смысла, как и нет Другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Предвыборная фотография // Мифологии. М., 1996. 268 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 412 с.
3. Гоффман Э. Представление себя другим. М.: Кучково поле, 2000. 298 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования: Картезианские размышления. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 648 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Антиэдип. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2008. 604 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. URL: www.klinamen.com.
7. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 398 с.
8. Жижек Сл. Кукла и карлик. М.: Европа, 2009. 334 с.
9. Ларошфуко Ф. Максимы. М.: АСТ, 2004.
10. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечность. М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000. 304 с.

O.A. Shtayn

Emptiness of a mask by examples of Sl. Zhizhek

The article covers the “mask” phenomenon as social topos through the refraction of face/seamy side.

Keywords: identity, face/seamy side, manifestation, mask, norm, surface.

Штайн Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент
Русская христианская гуманитарная академия
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15
E-mail: shtainshtain@gmail.com

Shtayn O.A., candidate of philosophy, associate professor
Russian Christian Humanitarian Academy
191023, Russia, St.-Petersburg, emb. of the river of Fontanka, 15
E-mail: shtainshtain@gmail.com.